

УДК 94(47).083+929 Корнилов

САРАТОВСКИЙ «ДНЕВНИК» ИСТОРИКА А. А. КОРНИЛОВА: ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ю. В. Варфоломеев

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ybartho@mail.ru

В статье предпринята реконструкция саратовского периода жизни и деятельности выдающегося историка и видного деятеля либерального движения России Александра Александровича Корнилова. В заглавии статьи понятие «дневник» несет две смысловые нагрузки. Во-первых, это повествование о делах, текущих событиях, общественной и личной жизни Корнилова. Во-вторых, непосредственно характеризуется его деятельность как редактора газеты «Саратовский дневник», о чем, собственно, и идет речь в первой части «дневника».

Ключевые слова: А. А. Корнилов, историк, кадет, редактор, «Саратовский дневник».

Saratov «Diary» of the Historian A. A. Kornilov: Part One

Yu. V. Varfolomeev

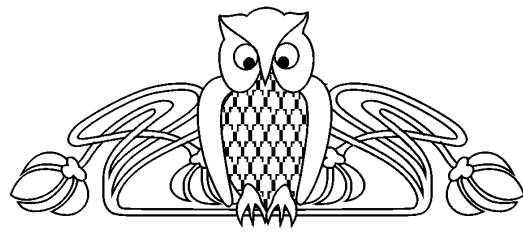
Yuriy V. Varfolomeev, ORCID 0000-0002-4488-6582, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, ybartho@mail.ru

The article offers a reconstruction of the Saratov period of life and work of an outstanding historian and a prominent figure in the liberal movement of Russia, Alexander Alexandrovich Kornilov. In the title the concept of «diary» carries two meanings. First, this is a story about everyday concerns, current events, public and private life of Kornilov. Secondly, his activity as the editor of the weekly newspaper «Saratov diary» is characterized, and that is what the first part of the «diary» is about.

Key words: A. A. Kornilov, historian, cadet, editor of «Saratov diary».

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-520-529

Александр Александрович Корнилов – историк, безусловно, первого плана, но оказавшийся, как ни странно, человеком второго плана в истории. Объяснение этому парадоксальному и несправедливому по отношению к таким персоналиям казусу предложил А. А. Кара-Мурза. «Привычное разделение исторических личностей на “героев” и “злодеев”, казалось, навеки лишило их законного места в истории, – поясняет ученый, – они были ей настолько органичны, настолько по жизни легки и неамбициозны, что верным соратникам как-то и в голову не приходило их канонизировать, а врагам – по-настоящему испугаться и проклясть. Лишь вдумчивый анализ контекста, в котором в России вообще возможна и политика, и подлинная культура, позволяет вы-

явить действительную роль этих людей в нашей истории»¹.

Возможно, именно поэтому жизнь и деятельность А. А. Корнилова долгое время находились на периферии исследовательского интереса, а сформировавшаяся историографическая палитра, посвященная ему, выглядела неприлично блекло в соизмерении с масштабом и глубиной личности историка и политика. Между тем имя Корнилова нередко упоминается в работах, посвященных истории либерализма России конца XIX – начала XX в., рассматривается в контексте интеллектуальной истории и, конечно, встречается в историографических обзорах по тематике Великих реформ и общего курса истории России².

В дооктябрьский период деятельность А. А. Корнилова подвергалась анализу в основном через призму его научного творчества, а его концепция крестьянской реформы была взята за основу либеральными историками³, и даже историк-марксист М. Н. Покровский признавал, что он был «одним из первых историков, не состоящих под отлучением»⁴, что само по себе уже являлось определенным достижением.

Изучению жизненного пути и научного творчества Корнилова в советский период историографии практически не уделялось внимания, и на начальном этапе он эпизодически появляется только в общей панораме освободительного движения, в работах, посвященных революционной эпохе и «борьбе классов»⁵. Большинство статей о нем в этот период имеют справочно-биографический характер⁶. Вместе с тем в 60–70-е годы прошлого века на фоне пробуждения исследовательского интереса к истории интеллигенции, деятельности политических партий и общественных организаций персоналия Корнилова встречается все чаще⁷. Среди наиболее значимых работ этого периода по исследуемому сюжету следует назвать труды В. Я. Лавёрычева, Х. М. Астрахана, С. В. Тютюкина, В. И. Старцева, Е. Д. Черменского⁸, посвященных исследованию земского движения, деятельности «Союза освобождения» и эволюции русского либерализма.

Однако на последнем этапе советской историографии в 1980–1990-е годы в связи с актуальной потребностью изучения исторического опыта политического плюрализма в России, исследовательский акцент заметно смещается к исследованию проблематики российского либерального движения⁹. Среди работ этого направления, в которых образ и деятельность А. А. Корнилова обретают

более зримые очертания, выделяются исследования К. Ф. Шацилло¹⁰, Н. Г. Думовой¹¹, В. В. Шелохаева¹². В сборнике «Российские либералы»¹³ авторы статей анализируют работы историка по крестьянской реформе, а также характеризуют начальный этап его общественной деятельности.

В конце XX – начале XXI в. были подготовлены кандидатские диссертации, посвященные персоналиям кадетской партии: П. Н. Милокову, С. А. Муромцеву, Д. И. Шаховскому, Ф. Ф. Кокошкину, И. И. Петрункевичу¹⁴, и, наконец, в рамках этого тематического цикла в 2004 г. была защищена диссертация Г. В. Шагохиной, в которой был исследован процесс становления А. А. Корнилова как общественного деятеля и либерала, указаны причины, повлиявшие на формирование его мировоззрения, а также определены роль и место Корнилова в деятельности кадетской партии, в частности, в российском либеральном движении в целом¹⁵.

Между тем до настоящего времени, пожалуй, самой значительной и по объему, и по широте историографического и источниковедческого анализа остается монография А. А. Левандовского¹⁶, в которой непосредственно рассматривается тема научного творчества А. А. Корнилова, а также представлен многоплановый биографический очерк жизни и деятельности ученого и политика.

Особое место в историографическом поле исследуемой темы занимают труды А. А. Карамурзы, посвященные интеллектуальной антропологии, среди которых несколько его работ, освещающих политические воззрения и научные концепции А. А. Корнилова, в том числе и полихромный интеллектуальный портрет историка и политика¹⁷.

В 2011 г. сотрудником государственного архива Саратовской области З. Е. Гусаковой была осуществлена публикация важного источника, проливающего свет на драматичные страницы жизни Корнилова. Во вступительной статье автор осветила причины, вызвавшие появление этого впервые опубликованного автографа Корнилова, – его заявления на имя саратовского губернатора, в котором он излагал свой взгляд на прошедшие события, связанные с его арестом в Саратове в ноябре 1902 г.¹⁸

Саратовский период, или саратовский «дневник», историка А. А. Корнилова условно можно разделить на два отрезка или две части, заметно отличающиеся по своему внутреннему содержанию. Первая и меньшая часть этого периода (февраль 1902 г. – июнь 1902 г.) прошла под знаком редакторства Корнилова в газете «Саратовский дневник», а также была связана с обустройством семьи ученого на новом месте и знакомством с городом и его людьми. Вторая часть саратовского «дневника» Корнилова (август 1902 г. – май 1904 г.) более пространна, драматична, общественно и творчески насыщена: здесь и его арест в ноябре 1902 г. с последующей борьбой за до-

казывание своей невинности, и тесные связи либерала с передовыми деятелями саратовского земства, и активная научная работа историка. Данная статья из заявленного цикла посвящена первой части саратовского периода Александра Корнилова.

В 80-е гг. XIX века в российском обществе, пресыщенном политическими страстями, призыв добросовестно учиться, а затем применить свои знания и силы на благо народа, оказался весьма популярным. В 1885–1887 гг. в Петербургском университете сформировался подобный круг студентов-единомышленников, который один из его участников – старший сын «отца» судебной реформы С. И. Зарудного – Александр Зарудный, называл кружком В. В. Водовозова¹⁹. Хотя, думается, что более правильно следовало бы назвать его кружком А. А. Корнилова – В. В. Водовозова, так как изначально он образовался по инициативе студентов Петербургского университета, так называемых «варшавян» – Александра Корнилова, братьев Федора и Сергея Ольденбургов, Дмитрия Шаховского и Сергея Крыжановского, которые в качестве своего кредо декларировали «воздержание от политики во имя накопления сил и знаний»²⁰. Если говорить о целях молодых участников студенческого «братства», то Иван Гревс определил их так: «Они хотели, чтобы в студенческой России вырос надпартийный, просвещенный, реально-идеальный, искренний, демократический либерализм... Они горячо любили народ, но высоко ставили миссию интеллигенции, не противопоставляя второй первому, но и не снижая ее перед ним. Они призывали вести свою работу не разрушительным натиском, а положительным строительством. Но они предвидели в борьбе с правительством неизбежность жертвы и готовы были идти на нее. На первый же и перво-степенный план выдвигали... задачи серьезного прохождения через науку: они видели, как просвещение угнетается властью...»²¹

Вскоре в состав этого кружка влились свежие силы столичного студенчества, среди которых были В. В. Водовозов, В. И. Вернадский, И. М. Гревс, А. Н. Краснов, А. С. Зарудный. Вместе со «старожилами» они развернули в студенческой среде работу по самообразованию, легально используя для этих целей научно-литературное общество Петербургского университета. Важным этапом деятельности общества явилось активное участие кружковцев в различных просветительно-благотворительных мероприятиях столичной интеллигенции, а также издание научно-популярных книг для народа.

Большое влияние на умы и настроения передовой молодежи в середине 80-х годов XIX в. оказали взгляды и деятельность Вильяма Фрея. Неординарная, яркая личность Владимира Константиновича Гейнса²² (Вильям Фрей – его псевдоним) приковывала к себе внимание и будоражила сознание, в том числе и кружковцев Зарудных.

«В 1886 году, передавая чувства большинства членов «братства», – вспоминает Зоя Зарудная, – Фрей дал большой нравственный толчок всей мыслящей молодежи, проповедуя, что надо бороться все противоречия жизни и найти главное, необходимое дело для осуществления идеала»²³. Они не только штудировали его произведения, но, может быть, даже и встречались с ним, так как есть указание на то, что, возможно, «Фрей сам читал» свои статьи участникам кружка в квартире Зарудных на Воскресенской набережной²⁴.

Большинство членов этого кружка вполне закономерно оказались впоследствии в либеральном движении. Так, например, Д. И. Шаховской, а также братья С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбурги стояли у истоков создания конституционно-демократической партии России, а затем стали членами ее ЦК. Полностью погрузившись в научную деятельность, В. И. Вернадский и А. А. Корнилов становились замечательными учеными, однако при этом они не утратили тесных связей с российским земским и либеральным движением. Наряду с самозабвенной общественной работой молодым кружковцам не были чужды и возвышенные чувства. Так, между делом в недрах организации родились молодые семьи: Владимир Вернадский и Наталия Старицкая (двоюродная сестра А. С. Зарудного), Иван Гревс и Мария Зарудная, Д. И. Шаховской и А. Н. Сироткина, С. Ф. Ольденбург и А. П. Тимофеева скрепили свои отношения узлами Гименея²⁵.

Иван Гревс вспоминал о молодом Корнилове: «Александр Александрович Корнилов (в компании “Адя”) был человеком замечательной доброты и дружелюбия, принципиально и серьезно относившийся к жизни с юности, умный и дельный работник. Он вырос в ладной многодетной семье с несколькими младшими сестрами, о развитии души которых радел братски, почти отечески. Он искренне проникнут был патриархальными традициями теплых, крепких домашних привязанностей. Александр Александрович и на друзей переносил свою способность к глубоким интимным отношениям, становившимся почти кровными в его сердце. Он, сам всегда бесхитростный и скромный к себе, высоко ставил членов своего дружеского союза и навсегда остался для тех, кто сами сохранили основы своего духа, верным другом в жизни, незаменимым сотрудником в делах»²⁶.

Ни расстояния, ни долгие разлуки не могли разладить сплоченную и стройную организацию кружковцев. Разбросанные научными командировками или ударами судьбы по разным странам и городам они, в то же время переписывались между собой, обменивались новостями и мыслями. Каждое такое письмо могло долго «ходить по кругу» среди членов кружка, создавая тем самым как бы заочную конференцию по переписке. Вот как вспоминает об этих эпистолярных «собраниях» кружковец В. И. Вернадский: «Адье послал

письмо Александра (Зарудного. – Ю. В.), да и оно должно идти дальше (Шаховскому)»²⁷.

Следует особо подчеркнуть, что дух и традиции, заложенные в недрах этого молодежного общества, его участники пронесли по жизни, тесно контактируя на протяжении всего жизненного пути и поддерживая друг друга в трудные моменты, как, например, это произошло в саратовский период жизни А. А. Корнилова.

Поначалу в судьбе молодого ученого и чиновника складывалось все благополучно. В 1894–1900 гг. он служил в Иркутске чиновником для особых поручений при генерал-губернаторе А. Д. Горемыкине, занимался крестьянским вопросом, земским и переселенческим делом в Восточной Сибири. В Иркутске он стал членом Восточно-Сибирского отделения Императорского Географического общества, организатором «Общества попечения о распространении народного образования в Иркутской губернии», активизировал деятельность «Общества пособия учащимся Восточной Сибири» и «Комиссии для устройства народных чтений», редактором иркутской газеты «Восточное обозрение». Наряду с этим он принимал участие в деятельности местных либеральных кружков. Однако когда в 1900 г. вместо А. Д. Горемыкина иркутским губернатором был назначен товарищ министра внутренних дел А. И. Пантелеев, Корнилов практически сразу же подал в отставку.

Несмотря на это, в начале 1901 г. Александр Александрович получил заманчивое предложение от начальника переселенческого управления Министерства внутренних дел А. В. Кривошеина занять должность чиновника по особым поручениям при министре, которая открывала для него реальные возможности непосредственной работы с земствами, так как в его обязанности входило бы поддержание контактов с земскими собраниями тех губерний, из которых шли переселенцы. Такая работа и перспективы заинтересовали Корнилова, и он согласился. Однако эти планы нарушило и по сути внесло существенные коррективы в его дальнейшую судьбу событие, в стороне от которого он в силу своих убеждений, конечно, не мог остаться.

В то время всю прогрессивную интеллигенцию Петербурга всколыхнуло избиение студентов на площади у Казанского собора. Мирная манифестация студентов столичных вузов за отмену Временных правил от 29 июня 1899 г. вызвала настолько неадекватную и жесткую реакцию со стороны властей, что слух о печальных событиях 4 марта 1901 г. вызвал негодование не только в Петербурге, но и во всем русском обществе. Вполне закономерно, что самые совестливые, либерально настроенные деятели науки и культуры, литературы и юриспруденции не могли остаться безучастными к этому факту и выступили с обращением. Двадцать первым в списке подписавших этот документ был и А. А. Корнилов²⁸. Подписанты заявили, что ответ на вопрос, кто был виновником избиения учащейся молодежи, «мо-

жет быть дан только судом», но ответ властью им был дан другой – «подписавшие все подверглись репрессиям»²⁹.

Корнилов был арестован и отбыл наказание в виде 20 дней заключения в петербургской одиночной тюрьме, а затем был выпущен на свободу с подпиской о невыезде. 20 июня 1901 г. Департамент полиции разослал губернаторам, градоначальникам, обер-полицмейстерам и начальникам губернских жандармских управлений совершенно секретный циркуляр о том, что в Петербурге выявлена группа лиц, преимущественно интеллигентных профессий, которые «поставили себе задачей путем устройства вечеринок, чтения речей и рефератов на соответствующие темы, а также издания систематически подобранной тенденциозной литературы, подготавливать в среде молодежи и рабочих противоправительственных деятелей и агитаторов. Лица означенной группы не упускали ни единого случая для возбуждения в обществе недовольствия по поводу разных мероприятий правительства и приготовления всевозможных манифестаций и протестов, причем особенно вредно влияли в том направлении на молодежь»³⁰.

В список этих неблагонадежных лиц попали, в частности, член Вольно-экономического общества, книговед и библиофил Н. А. Рубакин, принявший в скором времени самое живое участие в судьбе своего соратника А. А. Корнилова. Так как решением министра внутренних дел опальному историку последовало «воспрещение проживания в столицах, столичных губерниях и университетских городах сроком на два года»³¹, то он через посредничество Рубакина с радостью откликнулся на предложение председателя саратовской губернской земской управы князя Н. Н. Львова возглавить редакцию только что приобретенной им газеты «Саратовский дневник». «Взять газету в свои руки» Львову, который давно мечтал об издании газеты, посоветовал известный журналист, редактор «Саратовского вестника» Н. М. Архангельский, так как она, по его словам, «чуть-чуть не потерпела крах при предыдущем издателе»³². С этого момента Львов подыскивал сильного редактора, и Рубакин порекомендовал ему на эту должность оказавшегося на тот момент в крайне сложной ситуации, талантливого и близкого по взглядам либеральному земскому деятелю Корнилова. «Оклад жалованья был назначен 3000. Я, не долго думая, – вспоминал Александр Александрович, – послал свое согласие, и так как дело было спешное, то и выехал немедленно»³³.

Взгляды и деятельность земца-конституционалиста Н. Н. Львова были хорошо известны в среде российского освободительного движения, и его политическая репутация, думается, была одним из мотивов принятия Корниловым положительного решения. «Фактически под руководством Львова, блестящего знатока аграрного вопроса, в Саратове сложился тогда своеобраз-

ный научно-издательский центр по проблемам реформаторства в аграрной сфере, – справедливо указывает А. А. Кара-Мурза, (именно в Саратове, например, была впервые издана в 1907 г. знаменитая книга «Вымирающая деревня» молодого тогда А. И. Шингарева – будущего кадетского лидера, а потом и министра Временного правительства)»³⁴.

Беспечные каникулы в имении матери в Галахах Варшавской губернии Корнилову пришлось прервать. К тому же «Население Галах было в это время довольно плотное, – вспоминал он. – Кроме нас, в Галахах жили: бабушка с внуками Васильевыми, которых было шесть человек, Харламовы, у которых было четверо детей, и Насоновы, тоже с четырьмя детьми. Всего-то у бабушки в это время было 25 внуков. Еще кроме своих на даче жил профессор Д. М. Петрушевский с женой и тремя детьми»³⁵. В этой размеренной и далекой от столичной суеты обстановке Александр Александрович с женой, не задумываясь над своим ближайшим будущим, безмятежно прожили в Галахах почти месяц, когда пришло письмо от земского служащего В. К. Самсонова из Саратова, в котором тот сообщал, что председатель губернской земской управы Николай Николаевич Львов купил газету «Саратовский дневник» и что тот, не имея редактора, предлагает ему занять это место. Правда, как оказалось, место своей новой службы Корнилов, «по определению саратовского полицмейстера, выбрал неблагонадежное – редакцию газеты «Саратовский дневник». Четыре сотрудника газеты во главе с редактором В. К. Самсоновым уже состояли под негласным надзором полиции. Теперь добавился пятый поднадзорный»³⁶.

В Саратове Корнилов никогда раньше не бывал. Остановился он сначала в гостинице «Европа», а затем по приглашению Самсонова прожил некоторое время у него и, наконец, снял квартиру в доме Пшеничного на Гимназической (ныне Некрасова) улице, «завел понемногу обстановку и переехал к себе»³⁷.

Еще в 1901 г. начиная с № 241 «Саратовский дневник» официально позиционировался как «газета литературная и политическая, выходит ежедневно, кроме дней послепраздничных». Адрес конторы и редакции значился: Немецкая, д. Онезорге. Издателем и «за редактора» до февральского выпуска «Саратовского дневника» был указан Н. П. Штерцер. Начиная с № 47 (28 февраля 1902 г.), очевидно, с момента приобретения газеты Н. Н. Львовым, официальным издателем газеты, значился врач-гипнолог П. П. Подьяпольский, а редактором – В. К. Самсонов. «Так как «Саратовский дневник» была газета подцензурная, – пояснял фактический редактор А. А. Корнилов, – то официальным ее редактором значился Самсонов, который заведовал земским книжным складом. Он получал в газете маленькое содержание, и участие его в газете было второстепенное»³⁸. Объяснение подобной практики назначения «подставных»

редакторов дает Яна Чистаоль: «Так как большинство желающих издавать газеты были оппозиционно настроены против правительства, а значит, подвергались суду «за преступные деяния», то они не могли официально занимать место редактора или издателя периодического издания. Широко использовались подставные редакторы – издатели с репутацией политически благонадежных лиц, которые в случае преследования газеты согласились бы скрыться или отсидеть в тюрьме»³⁹.

Внешне образ и структура газеты со сменой издателя и редактора не изменились. В ней по-прежнему размещались уже ставшие традиционными постоянные рубрики: «Фельетон» (как правило, на первой странице), «За границу», «Иностранное обозрение», «Обзор печати», «Хроника», «Городская Дума», «Областная хроника», «Вести и слухи», «По России», «Театр и зрелища», «Телеграммы «Саратовского дневника», «Судебный указатель», «Страничка из жизни современной деревни», «Торговый отдел», «Смесь» и, конечно, «Реклама и объявления». В то же время содержание и внутренний настрой заметно изменились и, по мнению Корнилова, «оживили отношение к изданию всей местной публики»⁴⁰. Здесь были и статьи о мелкой земской единице, и фельетоны исторического характера, и фельетоны о нуждах сельской школы, а также статьи, освещавшие все, что творилось в русской жизни. По признанию редактора ему приходилось нередко бороться с цензурой и иногда ездить к цензору, отстаивая зачеркнутые им части статей. «Цензор, впрочем, – по отзыву Корнилова, – был довольно податливый человек, некто С. А. Яблоновский. Во время моего редакторства он дважды получал замечания. Один раз, я помню, за мою статью по поводу выбора Горького в Академию наук»⁴¹.

Состав редакции «Саратовского дневника» на 1902 г. – «год издания XXVI» – был следующий: помощник редактора и заведующий отделом внутренней жизни – Н. М. Архангельский, заведующий отделом внешней жизни – социал-демократ-«искровец», беллетрист и поэт М. В. Морозов, журналист А. М. Рыкачев (внучатый племянник Ф. М. Достоевского), а также ближайшие сотрудники – журналисты И. В. Жилкин, А. А. Гусаков и Н. Н. Миронов. Изредка помещал статьи в газете В. С. Голубев, который заведовал народным образованием в земстве и был редактором «Саратовской земской недели». Также периодически публиковались в «Саратовском дневнике» секретарь городской управы Н. Н. Сиротинин, земский статистик, народник и «человек вообще с разносторонними интересами», – как отреккомендовал его Корнилов, – Н. Д. Россов, старший ветеринарный земский врач Ф. А. Березов, исследователь крестьянской общины К. И. Качаровский, городской агроном (основатель Саратовского краевого сельскохозяйственного института) Б. Х. Медведев, фельетонисты С. А. Сергеев и А. А. Герасимов. «По политическим взглядам

редакция была пестрой, – отмечает Савельев-Архангельский, – но всех объединяло стремление к совершенствованию Саратова и губернии, к защите народных интересов»⁴².

Сам владелец газеты Н. Н. Львов ничего не писал в газете, но принимал в ней активное участие как крупный общественный деятель, задавая общий тон публикациям. «Он был очень богат и купил газету для того, чтобы она являлась свободным представителем земства и русских земских интересов, – считал А. А. Корнилов. – Что касается направления, то его предполагалось выработать сообща. Я был редактором “конституционным” и у нас предполагались еженедельные и чаще собрания, на которых направление газеты должно было выработаться. В общих чертах оно должно было соответствовать направлению “Русских ведомостей”»⁴³.

Вскоре состоялось и знакомство Корнилова с Н. Н. Львовым. В ходе доверительного разговора о концепции газеты Николай Николаевич пояснил новому редактору свое издательское кредо. Его мечта сводилась к тому, чтобы, как он выразился, «подтягивать начальство и проводить интересы свободного земства»⁴⁴. У Александра Александровича сложилось впечатление, что по своим политическим взглядам Львов был правее остальных членов редакции. «Увлекаясь и ненавидя гнет в том виде, в каком он осуществлялся Плеве и Сипягиным, Николай Николаевич хотел способствовать освобождению России от этого гнета», – отмечал Корнилов⁴⁵.

За время общения со Львовым в представлении историка сложился вполне законченный и цельный политический портрет молодого русского земца-конституционалиста. «Сам он мне представлялся иной раз русским старозаветным дворянином, – рисует его образ Корнилов. – Либерализм его шел не далее, как с 1894 г., с “Ходынского поля” во время коронации Николая II. К Александру III он еще относился с почтением и даже земских начальников признавал все же идущими “из общества”. Конечно, он ненавидел произвол, который был предоставлен этим земским начальникам, и огромное большинство из них считал своими врагами»⁴⁶. Более того, однажды и сам князь после горячих споров на общие темы с Корниловым неожиданно открыл ему свое альтер-эго, сказав, что думает про свою голову: «*que c'est l'invasion des idees liberates dans une tete feodale*»⁴⁷.

В целом редактор констатировал, что иметь дело с владельцем-издателем периодического ежедневника было очень приятно, и он не только ничему не мешал, но даже тот факт, что газета издавалась Львовым, имел огромное значение, придавая ей особый, весомый статус в обществе. Имя князя-либерала, по замечанию Корнилова, «объединяло в Саратовской губернии значительную часть дворянства и земство, включая и третий элемент»⁴⁸.

Между тем идейные позиции сотрудников газеты по поводу её направленности и содержания статей заметно отличались. Корнилову запомнился весьма характерный эпизод, наглядно демонстрирующий поляризацию мнений в редакции, связанный с острым спором, возникшим по поводу установки памятника Александру II. В Саратове была открыта выставка эскизов, представленных на премию, учрежденную земством за лучший памятник царю-освободителю. Все эскизы представляли собой конные статуи, но один из них, по мнению Корнилова, невольно останавливал на себе внимание. Художник взял за основу идею лошади и всадника с картины Франца фон Штука «Война». На этом макете Александр II был изображен на такой «штуковской» согбенной лошади, дошедшей до обрыва, да и сам выглядел также сгорбленным, усталым, что совершенно не соответствовало традиционному представлению о царе и парадной величавости памятника.

По воспоминаниям Корнилова об этих эскизах Н. Д. Россовым была написана статья, в которой предпочтение отдавалось именно этой монументальной трактовке образа императора. По мнению автора, в этом эскизе было выражено общее суждение об императоре Александр II: «...Он признавался государем, много потрудившимся и стремившимся создать блага для своих подданных»⁴⁹. Неудивительно, что эта статья сделалась предметом острой дискуссии на одном из собраний в редакции, в ходе которой «большинство членов собрания обрушились на нее, – отмечал Корнилов. – Я помню, особенно меня поразили нападки на нее Жилкина и даже Рыкачева. В сущности, в статье этой выражался взгляд человека конституционно настроенного, а Жилкин и Рыкачев возражали против самой идеи статьи»⁵⁰. Так как Львова в тот момент не было, то единственными защитниками этой статьи оказались только Корнилов, Россов и отчасти Архангельский. В итоге, несмотря на мнение редактора, статья была отклонена.

Также запомнилась Корнилову по накалу редакционных страстей большая статья Рыкачева, которая вызвала, как он выразился, «страшные споры»⁵¹. Собственно это была большая, глубокая и развернутая рецензия на статью П. Борисова «В чем же истинный национализм»⁵², помещенная в 59-й книжке «Вопросов философии и психологии». Под псевдонимом «П. Борисов» выступал П. Б. Струве, и, очевидно, поэтому автор начал свой критический разбор с освещения истории кризиса русского марксизма. Приветствуя наметившуюся тенденцию «от марксизма к идеализму», Рыкачев в то же время подверг острой критике Струве за то, что тот, по его мнению, «не делал последнего решительного шага: не провозглашал безусловного верховенства этического начала над политическим». В представлении Рыкачева, «этический идеал должен быть поставлен верховным судьей наших требований и действий,

а остальное – и родина, и культура, и богатство, и счастье приложатся»⁵³.

Автор был убежден в благотворном предназначении этического императива, который, как он считал, неизбежно вносит струю терпимости и примирения во всякую идейную борьбу и делает каждое направление более чутким к своим ошибкам и своей односторонности. Этот трактат, – резюмировал Рыкачев, – «проникнутый искренним духом примирения и доброжелательства ко всем формам русского идеализма, посвященный памяти Владимира Соловьева, отдающий дань восторга Льву Толстому и старым славянофилам – насколько это выше, чем схоластические споры старых непримиримых народников и марксистов старого типа!»⁵⁴ Так как в редакции «Саратовского дневника» были представители и того и другого типа, то статья Рыкачева была помещена с редакционной оговоркой.

Между тем Корнилов не считал «возмутителей спокойствия» Жилкина и Рыкачева левее себя по политической ориентации, поэтому он с удовлетворением отмечал, что ему удавалось «довольно легко примирять эти взгляды и сводить их воедино»⁵⁵. В результате магистральное направление газеты благодаря, прежде всего, усилиям редактора не особенно отличалось от «Русских ведомостей».

Через некоторое время, близко познакомившись с сотрудниками и присмотревшись к ним повнимательней, Корнилов решил перераспределить их функции в редакции. Так, М. В. Морозов стал заведовать отделом русской жизни, Архангельский – местными делами и одновременно с этим выпускал по очереди с Корниловым текущие номера газеты. Рыкачев заведовал иностранной политикой. Остальные сотрудники заведовали более мелкими разделами в газете. Между тем «с Морозовым, – отмечал А. А. Корнилов, – приходилось много сражаться, пока я не подвел его под общий тон газеты, и сам он говорил впоследствии, что прошел хорошую школу и научился писать в «Саратовском дневнике»⁵⁶. Следует констатировать, что редакторская «школа» Корнилова действительно помогла в профессиональном становлении В. А. Морозова как редактора: с 1903 г. по 1913 г. он последовательно занимал должности редактора газет «Уралец» в Уральске, «Баку», «Самарканд», «Русский Туркестан», «Парижский вестник».

Сам же Корнилов размещал в газете, как он выразился «по возможности», передовые статьи. В связи с тем, что документы редакции «Саратовского дневника» не сохранились, в настоящее время весьма сложно определить авторство и количество статей, подготовленных непосредственно Александром Александровичем. В то же время, соглашаясь с мнением З. Е. Гусаковой, можно с большой долей вероятности предположить, что ко времени работы Корнилова в «Саратовском дневнике» относятся статьи, которые близки ему и по стилю, и по проблематике, подписанные

инициалами «А. К.». К этим статьям относятся: «Некоторые черты из жизни В. А. Жуковского (к пятидесятилетию со дня его смерти)», «К вопросу о мелкой земской единице», «Судьба одной школы» (о ткацкой школе производства сарпинок и холстинок, открытой новоузенским земством), «На балашовской выставке»⁵⁷.

Постепенно в Саратове налаживалась и личная жизнь Корнилова. После того как он снял квартиру и обустроился на новом месте к нему приехала жена Наталья Антиповна с девятилетним сыном Владимиром. Примерно в это же время и его патрон Н. Н. Львов привез в Саратов свою семью и попросил Корниловых бывать у него с сыном. Львов как «старозаветный дворянин» был отцом многочисленного семейства, в котором старший сын Коля приходился ровесником Володе Корнилову, а «остальные – человек пять – были мал мала меньше»⁵⁸.

С приездом «Тали», как любовно называл свою жену Александр Александрович, оживилась его «светская» жизнь. Корниловы познакомились с семьями земских служащих: с Сиротиниными, Серебряковыми, Голубевыми, Березовыми и Черненковыми. «Дамы во всех этих семьях были хорошие и подходящего к нам направления, – отмечал глава семейства, – но ближе всех Таля сошлась с Зинаидой Михайловной Серебряковой»⁵⁹. Чета Серебряковых занимала в местной городской жизни заметное место. Зинаида Михайловна хотя и не принадлежала ни к одной партии, но сочувствовала и помогала социалистам-революционерам.

В это время к Корниловым приехала А. А. Белозерова, назначенная в свое время еще Горемыкиным начальницей гимназии в Красноярске и получавшая пенсию за институтскую службу. Однако новый губернатор Пантелеев остался очень недоволен её работой и уволил. Приехав в Саратов, она безвозмездно давала уроки сыну Корнилова и подготовила Володю к поступлению в 1-й класс мужской гимназии.

В Саратов к Корниловым приехали из Сибири также и сестры Натальи Антиповны со старым отцом. Правда, по свидетельству Александра Александровича этот переезд вызвал довольно упорную борьбу со стариком-отцом, который долго не соглашался покинуть привычный Иркутск и променять его на неизвестный ему Саратов. «В конце концов он согласился и приехал к нам уже 80 с лишним лет, одряхлевшим и почти впадшим в детство стариком»⁶⁰, – вспоминал Корнилов. Все большое семейство поселилось в одном доме. Сестра жены Екатерина поступила на службу в Городскую управу. Между тем в Саратове она встретила двух подруг по Высшим женским курсам в Петербурге – В. Г. Хотемкину и С. Г. Клитчоглу, фанатичных эсерок, которые втянули Катю в свою организацию. Корнилов, узнав об этом, остался крайне недоволен и старался убедить свояченицу в опасности подобных

связей и в том, что она с эсерами не может иметь ничего общего. Однако подобные увещания не действовали на девушку, тем более что к либеральному движению и, в частности, к «Союзу освобождения», к которому примкнул с самого его основания Александр Александрович, Катя не проявляла живого интереса.

Провинциальный Саратов после приезда Корнилова стал на какое-то время центром притяжения членов ольденбургского кружка – их знаменитого студенческого «Братства». Вскоре по прибытии в Саратов к Корнилову приехал В. И. Вернадский с главной целью – поддержать друга после ареста. Владимир Иванович пробыл в Саратове всего два-три дня, но очень насыщенных. Гостеприимный хозяин не преминул показать ученому-естествоиспытателю оригинальный музей общества естествоиспытателей, созданный и возглавляемый П. П. Подъяпольским, а также уникальный в своем роде Художественный музей Радищева. Кстати, свои впечатления об увиденном Вернадский изложил в фельетоне, опубликованном в «Саратовском дневнике».

Буквально через несколько дней после визита Вернадского Корнилов уже встречал другого кружковца – Д. И. Шаховского, который оказался в Саратове проездом, и старым друзьям удалось повидаться всего только два часа – ровно столько, сколько стоял пароход в Саратове. Дмитрий Иванович привез Корнилову первые известия о журнале «Освобождение», издававшемся П. Б. Струве в Штутгарте, а также «поклоны от редактора и просьбу о сотрудничестве»⁶¹. В следующий раз друзья-единомышленники увиделись только в 1904 г.

Помимо теплых и дорогих встреч с друзьями из студенческой юности, круг знакомых Корнилова обогатился новыми интересными, но политически неблагонадежными личностями. Стоит подчеркнуть, что Саратов традиционно буквально кишмя кишел эсерами. К опутанной подружками-эсерками Екатерине, в каком-то смысле, теперь присоединился и сам Корнилов. В это же время в Саратов проездом из сибирской ссылки на Кавказ прибыл культовый персонаж народничества и один из вождей эсеров М. А. Натансон с женой Варварой Ивановной. Эта революционная чета тоже приложила руку к тому, чтобы покрепче впутать Катю в паутину эсеровского подполья. Несмотря на это, Александр Александрович с придыханием вспоминал о встрече с Натансоном: «когда он приехал, то мы встретились с ним настолько дружелюбно, что он прямо с вокзала приехал ко мне на квартиру»⁶², а остановился он на это время у присяжного поверенного эсера С. Е. Кальмановича, квартира которого была беспощадно разгромлена в ходе еврейского погрома в 1905 г. Путь Марка Андреевича из Саратова лежал в Баку, где городской голова Александр Иванович Новиков любезно предоставил ему должность бухгалтера городской управы. Кстати, Натансон «собирался сманить туда же»⁶³ и Корнилова.

В это же время в Саратове появился ярый социалист-революционер И. Ю. Старынкевич с женой Евгенией Никандровной, являвшейся к тому же давней приятельницей Екатерины Антиповны еще с иркутской гимназии. Ко всему прочему Иван Юльевич приходился двоюродным братом Дмитрию Сократовичу Старынкевичу – товарищу Корнилова по университету. Александр Александрович очень подружился с ним и восторженно отзывался о новом знакомом, считая Старынкевича «в высшей степени отзывчивым, энергичным и жизнерадостным, <...> в высшей степени разносторонним человеком». При этом Корнилов отметил для себя, что Старынкевич «ничего не писал, но все, что он говорил, было в высшей степени разумно. Он интересовался очень многим, и партийной узости в нем не было никакой»⁶⁴.

Крамольные знакомства Корнилова исподволь подвели его к кульминационному событию в соучастии «возбуждения в обществе неудовольствия». 1 мая 1902 г. в Саратове состоялась рабочая манифестация или, точнее, одна из первых трех политических демонстраций в России. В этой скандальной противоправительственной акции участвовали даже некоторые сотрудники «Саратовского дневника». «Кроме того, – вспоминал Корнилов, – из окон редакции некоторые лица, к ней не принадлежавшие, но зашедшие с улицы случайно, махали платками. Этого было достаточно, чтобы прекратить существование газеты в прежнем составе ее редакции. «Саратовский дневник» был приостановлен на 2 месяца, а после того возник в новом составе редакции»⁶⁵.

Воспользовавшись вынужденным отпуском, Корнилов отправился в Галахи, где продолжил свою историко-биографическую работу об В. А. Арцимовиче. Вдохновение, очевидно, не покидало историка, и он с удовлетворением смог в итоге констатировать: «...вышло целых восемнадцать листов»⁶⁶. Первыми слушателями рукописи стали его мать и Петрушевки, а затем он повез её к Арцимовичам в имение близ Люцина Витебской губернии. Проведя там несколько дней, Корнилов прочел все свои главы и Арцимовичам. И наконец, получив полное одобрение А. М. Арцимович и дочерей, он взял свою рукопись для приведения ее в окончательный вид. После этого он вернулся домой как раз к моменту переезда его большого семейства с дачи в город из селения Александровского, что под Саратовом. Но с этой страницы начинается уже вторая часть саратовского «дневника» Александра Александровича Корнилова.

(Продолжение следует)

Примечания

¹ Кара-Мурза А. А. Интеллектуальные портреты : Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. М., 2006. С. 49.

² См.: Шаниро А. Л. Русская историография периода империализма. Л., 1962. С. 115–117 ; Историография истории СССР. М., 1971. С. 390–391 ; Сахаров А. М. Историография истории СССР. М., 1978. С. 228 ; Семенов М. Г. Героический период революционного народничества. М., 1996. С. 30–31 ; Кутаев В. А. От фронды к охранительству. М., 1972. С. 8–9 ; Захарова Л. Г. Отечественная историография о подготовке крестьянской реформы 1861 года // История СССР. 1976. № 4. С. 54–76 ; Гармиза В. В. Земская реформа и земство в исторической литературе // История СССР. М., 1960. С. 82–108 ; Левин Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли второй половины XIX – начала XX вв. Л., 1974.

³ Кизеветтер А. А. Обзор юбилейной литературы по истории крестьянской реформы // Научный исторический журн. 1913. № 2. С. 72.

⁴ Покровский М. Н. История России в XIX веке : в 9 т. Т. 3. СПб., 1908. С. 104, 109.

⁵ См.: Чемухин В. Е. Чего хочет Партия народной свободы. Пг., 1917 ; Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX вв. М., 1924 ; Слепков А. Н. Классовые противоречия в первой Государственной думе. Пг., 1923 ; Томсинский С. Г. Борьба классов и партий в первой Государственной думе. Краснодар, 1923 ; Он же. Борьба классов и партий во второй Государственной думе. М., 1924 ; Сеф С. Е. Буржуазия в 1905 году : По неизданным архивным материалам. М. ; Л., 1926 ; Стальной В. Кадеты (Конституционно-демократическая Партия народной свободы). Харьков, 1929.

⁶ Большая Советская энцикл. : в 65 т. Т. 13. М., 1934 ; Большая Советская энцикл. : в 30 т. Т. 13. М., 1976.

⁷ См.: Ерман Е. К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966 ; Пирумова Н. М. Земско-либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977.

⁸ Комин В. В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий в период подготовки Великой Октябрьской революции (1900–1917 гг.). М., 1965 ; Он же. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных партий в России. Калинин, 1970. Лавёрычев В. Я. По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967 ; Он же. Общая тенденция развития буржуазно-либерального движения в России в конце XIX – начале XX вв. // История СССР. М., 1976. С. 46–65 ; Астрахан Х. М. Большевики и их противники в 1917 г. М., 1973 ; Тютюкин С. В. Оппозиция его величества. Партия кадетов в 1905–1917 гг. М., 1970 ; Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1907 гг. Л., 1972 ; Он же. Революция и власть. М., 1978 ; Черменский Е. Д. Земское либеральное движение накануне революции 1905–1907 гг. // История СССР. 1965. № 5. С. 41–60 ; Он же. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970.

⁹ См.: Федоринов В. Е. Общественно-политическая мысль России конца XIX – начала XX века о концепции политической партии. М., 2000 ; Гаджиев К. С. Либерализм : история и современность // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 15–31 ; Согрин В. В. Либерализм в России : перипетии и перспективы.

- М., 1997 ; *Степанский А. Д.* Либеральная интеллигенция в общественном движении России на рубеже XIX–XX вв. // Исторические записки. 1983. № 109. С. 64–94 ; Интеллигенция и либерализм в России. Саратов, 1995 ; Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX в. М., 1995 ; Русская интеллигенция : История и судьбы. М., 2001 ; *Кравченко И. И.* Концепция гражданского общества в философском развитии // Полис. 1991. № 2. С. 128 ; *Соловьёв А. И.* Три облика государства – три стратегии гражданского общества // Полис. 1996. № 6. С. 29.
- ¹⁰ *Шацлло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985.
- ¹¹ *Думова Н. Г.* Либерал в России : трагедия несовместимости (исторический портрет П. Н. Милюкова). М., 1993 ; *Она же.* Кадетская партия в период первой мировой войны и февральской революции. М., 1988 ; *Она же.* Кончилось ваше время (о поражении кадетской партии). М., 1990.
- ¹² *Шелохаев В. В.* Численность и состав кадетской партии // Количественный анализ : сб. ст. М., 1987. С. 93–113 ; *Он же.* Средства и методы политического воздействия кадетов на средние городские слои в 1907–1914 гг. // Городские средние слои в трех русских революциях. М., 1989 ; *Он же.* Либерализм в России : очерки истории (середина XIX – начало XX вв.). М., 1995 ; *Он же.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996 ; *Он же.* Политическая история в партиях и лицах. М., 1993.
- ¹³ Российские либералы : сб. ст. / под ред. Б. С. Игенберга и В. В. Шелохаева. М., 2001.
- ¹⁴ *Макушин Л. В.* П. Н. Милюков (путь в исторической науке и переход к политической деятельности 1870–1900 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1998 ; *Крикун В. Г.* П. Н. Милюков : история становления общественного деятеля и политического лидера. 1877–1905 гг. Воронеж, 1994 ; *Клушин Л. Г.* Общественно-политическая деятельность Ф. Ф. Кокوشкина : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2000 ; *Аронов Д. В.* Научная и общественно-политическая деятельность Сергея Андреевича Муромцева : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2001 ; *Воронкова И. Е.* Общественно-политическая деятельность Д. И. Шаховского : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002 ; *Макаров Д. А.* Общественно-политическая деятельность И. И. Петрункевича : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2003.
- ¹⁵ *Шатохина Г. В.* А. А. Корнилов. Путь становления и развития российского либерала. 1862–1908 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2004.
- ¹⁶ *Левандовский А. А.* Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной историографии. А. А. Корнилов. М., 1982.
- ¹⁷ *Кара-Мурза А. А.* Александр Александрович Корнилов (1862–1925) и его концепция социально-политической модернизации России // Время выбрало нас : путь интеллектуала в политику : сб. науч. ст. Орел, 2012. С. 204–217 ; *Он же.* Интеллектуальные портреты : Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. М., 2006 ; *Он же.* Александр Александрович Корнилов (1862–1925) : историк, политик // «Либерализм в Сибири : прошлое и настоящее» : науч.-практ. конф. : докл. участников конф. (Иркутск, 6 окт. 2005 г.). Иркутск, 2006. С. 5–12.
- ¹⁸ *Гусакова З. Е.* «...Я решительно не знаю, за что попал в тюрьму» (саратовский автограф А. А. Корнилова) // История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. В. Гладышева. Саратов, 2011. Вып. 4. С. 214–220.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 857. Оп. I. Д. 1. Л. 27.
- ²⁰ *Левандовский А. А.* Последний общий курс русской истории и его автор // *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М., 1994. С. 5.
- ²¹ *Гревс И. М.* В годы юности. За культуру // Былое. 1918. № 12. С. 56.
- ²² Гейнс Владимир Константинович (1839–1888), псевдоним – Вильям Фрей, писатель и общественный деятель. Отличался выдающимися способностями и дарованиями. Будучи капитаном Генерального штаба, в 1868 г. эмигрировал в Северную Америку, где основал земледельческую ферму на коммунистических началах. Коммуна Фрея через несколько лет распалась, и после долгих скитаний, во время которых он прошёл самые разнообразные стадии «черного труда», переселился в Англию. В 70-х годах XIX века публиковал различные корреспонденции и очерки из американской жизни, а также статьи по социальным вопросам в «Отечественных записках», «Деле», «Вестнике Европы», «Неделе». Особый интерес представляет его переписка с Л. Н. Толстым.
- ²³ РГАЛИ. Ф. 210. Оп. I. Д. 32. Л. 13–13 об.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Подробнее см.: *Варфоломеев Ю. В.* Революционная молодость детей сенатора С. И. Зарудного // Освободительное движение : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. Вып. 20. С. 196–206.
- ²⁶ *Гревс И. М.* Указ. соч. С. 58.
- ²⁷ *Вернадский В. И.* Письма Н. Е. Вернадской. 1886–1889. С. 269.
- ²⁸ См.: Обращение общественных деятелей по поводу избраний на Казанской площади. Цит. по: *Обнинский В. П.* Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992. С. 260–262.
- ²⁹ *Обнинский В. П.* Указ. соч. С. 57.
- ³⁰ *Гусакова З. Е.* Указ. соч. С. 215.
- ³¹ Там же.
- ³² *Савельев-Архангельский О.* «Не мыслю Саратова без Николая Михайловича» // Годы и люди. 1990. Вып. 5. С. 86.
- ³³ *Корнилов А. А.* Воспоминания // Вопр. истории. 1994. № 4. С. 136.
- ³⁴ *Кара-Мурза А. А.* Интеллектуальные портреты : Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. С. 93.
- ³⁵ *Корнилов А. А.* Воспоминания. С. 136.
- ³⁶ *Гусакова З. Е.* Указ. соч. С. 216.
- ³⁷ *Корнилов А. А.* Воспоминания. С. 136.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ *Чистаюль Я.* Саратовская пресса в начале века // Власть. 2008. № 7. С. 109.
- ⁴⁰ *Корнилов А. А.* Воспоминания. С. 137.

- 41 Корнилов А. А. Воспоминания. С. 137.
42 Савельев-Архангельский О. Указ. соч. С. 87.
43 Корнилов А. А. Воспоминания. С. 137.
44 Там же.
45 Там же.
46 Там же.
47 Вторжение либеральных идей в феодальную голову (фр.).
48 Корнилов А. А. Воспоминания. С. 137.
49 Там же.
50 Там же.
51 Там же.
52 Там же. С. 138.
53 Там же.
54 Корнилов А. А. Воспоминания. С. 138.
55 Там же.
56 Там же.
57 Саратовский дневник. 1902. 18 апр., 9 мая, 9 окт., 25 сент.
58 Корнилов А. А. Воспоминания. С. 138.
59 Там же.
60 Там же.
61 Там же. С. 139.
62 Там же.
63 Там же.
64 Там же.
65 Там же.
66 Там же.

Образец для цитирования:

Варфоломеев Ю. В. Саратовский «дневник» историка А. А. Корнилова: часть первая // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 520–529. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-520-529.

Cite this article as:

Varfolomeev Yu. V. Saratov «Diary» of the Historian A. A. Kornilov: Part One. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 520–529 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-520-529.
